

СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

для Парижа и иногородних:
10 номеров: 50 ф.; 20 номеров: 100 ф.
Ежедневно, кроме суббот и воскресений,
от 2 час. дня до 6 час. вечера, в помещении
ССП, комн. 2, или почтовым переводом:
M. Mikhnevitch, «Le Patriote Soviétiq»,
4, rue de Galliéra, Paris (16).

Редактор: Д. Одинец

LE PATRIOTE SOVIÉTIQUE

Directeur: D. Odinetz

Organe du Comité Directeur de l'Union des Patriotes Soviétiques

HEBDOMADAIRE

4, rue de Galliéra, Paris 16.

26 MAI 1945

Tél: KLE 94-20, 94-21 et 94-22

3-e année
No 31
(NOUVELLE SÉRIE)

Prix 5 frs.

TOUS LES SAMEDIS

Париж, 25 мая 1945 г.
Каждая подлинная революция велика основной руководящей идеей, которую она впервые выдвигает на авансцену истории. Притом, это всегда — идея высшего этического порядка. Именно она загорается народными массами. Именно она выдвигает подлинные революционные вожди. И именно она, переходя через национальные границы, превращает революцию в событие всемирно-исторического значения. Внешние организационные оформления, как и провозглашенные революцией лозунги, лишь служат выражением этого основного порыва, пробивающегося, как ключ живой воды, из глубин человеческой психики.

В идеях гражданской свободы и гражданского равенства людей заключалось мировое величие революции французской. Русская революция сделала следующий решающий шаг. Дальние гражданские свободы и равенства, рисующиеся остью иной разлины формальными, она провозгласила освобождением человека от эксплуатации человеком, провозгласила реальное равенство людей в области их социальных возможностей. Подняв на новую этическую высоту свою сложность человеческих взаимоотношений, она стала центральным фактом XX-го века. Именно тут прошел водораздел: за или против этой новой человеческой этики, за упразднение эксплуатации человека человеком или против него.

В борьбе за одухотворяющую ее этическую идею, революция создает свою собственную политику, свой особый социальный строй, свою экономику и даже технику. Но не против этого восстает, по существу, силы старого мира, силы подавления человека, противщающиеся пиджанам, реальному братству между людьми. Точнее говоря, только в первую минуту, застинутые врасплох, они могут пытаться противостоять революционной «артиллерией» противопоставить феодальные «мечи и кельхи». Попытка с негодными средствами — не странна: ветреные мельницы истории беспощадно бьют Дон-Кихотов реакции. И лишь когда революция становится для всех несомненным и, при этом, центральным историческим фактом, «оно же не прейдеш», только тогда настоящие силы вчерашнего дня перестраиваются и выстраиваются для решительного боя.

Гитлер и его последователи называли себя социалистами. Они провозгласили и в какой-то мере осуществляли первенство «интересов колlettивных над узко-эгоистическими, индивидуальными интересами. Сперва в Германии, затем во всей завоеванной Европе они создали своего рода «плановое хозяйство». В политике, в социальном строю, в экономике, бессознательно, а также сознательно, они в целом ridge отвергли колlettивные отдельные внешние, организационно-технические черты русской революции.

Ломая обетованную «социально-политический строй, фанатизм и в Италии, и в Германии стремился то же время заставить массы своим особым пафосом. Он сам предстоял быть и именовал себя революцией. Но всеми фиброй своей души он не видел идею всечеловеческого братства. В основу своей идеологии он положил бедность, незвание в истории утверждение эксплуатации одних людей другими людьми: с одной стороны — народ господ, призванный владствовать над миром, с другой стороны — все мириады людей, предназначенные на то, чтобы быть «рудием», «инструментом», рабочим скотом для «расы господ». Чем дальше развивалась драма, тем более углублялась и в то же время сужалась эта страшная идеология. Ставший на тот же путь подавления, опьяненный себя тем же вином господства и силы, средиземноморский фашизм все больше превращался

ся в дубликат фашизма германского — первоначально им пренебрегавшего — и окончательно совершенствовавшего отчуждением от всех гуманистических традиций латинской культуры. А национал-социалистические «избранные из избранных», питомцы гитлеровских «королевских замков» и даже, просто эс-эсовские заплечные дес мастера все больше освавливались с мыслью, что они-то раз и являются самой солью земли, захватской новой породы «человеков», и на массах самого немецкого народа (какими бы ни были эти «избранные») тоже уже поглядывали, в общем, как на быдло, хоть и более высокого разряда. Все вылилось в невиданное подавление миллионов людей небольшими единицами, — подавление самого странного в истории, потому что вооруженное всеми средствами ультра-современной государственности и социально-экономической техники.

На просторах нашей страны в апокалиптической схватке столкнулись две гитлеровские силы, обе — революционные по форме. Но одна из них несла на своих знаменах раскрепощение человечества. Другая ввела в себя все от доисторических времен унаследованных вдруг нападающих с неслыханной силой выразившихся наружу инстинкты человека-зверя, которому тысячелетия культурного развития послужили лишь в замене зубами, более совершенными, орудиями и к сознательному «идеологизму» утверждению древнего принципа: «человек человеку — волк».

Вот подняли вопрос о Роллане. И сказал, что самое ненавистное для меня производение в мире, это — его «Фарнаванная душа». Что мне противен интегральный нацизм.

Во время, друг мой, мне было ближе библейское «ко» за «ко», и никто не могло меня так вывести из себя, как наше, что когда-нибудь моя ненависть потускнеет или буде подавлена величодушем.

У меня осталась принадлежащая Вам книга, юбилейный труд о Святом Арренусе. Вы там пометили некоторые места карандашом.

Арренус.

Это — из нашего общего сонма святых. Как Пастер или лорд Ковентри. Мы оба благоговейно склонялись перед некоторыми именами.

Арренус пишет Остальду в те дни первой мировой войны:

«Меня болезненно волнует, что ученые, которые должны бы находиться на Олимпе объективности, ревниво заняты сейчас тем, чтобы унизить заслуги своих коллег вражеской национальности.

Да, конечно, было тогда многое. Мы помним выступление Рамса. Помним голосование русской Академии Наук об исключении из ее состава всех немецких и австрийских учёных в Германии:

Потом, как сказал наш поэт Пушкин: «И прояснился темный ум. Свободен вновь инсия».

Военные звуки, чувства и дум.

Помимо, мы оба, немец и русский, скорбели, что в траншеях Дарданелл погиб, как простой солдат, 23-летний гений человечества, новый Дальтон — Мозес, автор атомных чисел.

Ах, стоит ли все вспоминать, мой доктор Эрих!

Вот только что отгремели фанфары мира. Но я что-то не видел ни у кого подлинной радости. Многие, по-моему, просто гальванизировали свой энтузиазм только по чувству долга. Что-то еще не то. Самое умное существование в мире — массы — что-то оценивают не так, как хочется нам, ее отдельными частичками.

В эти моменты как-то особенно остро думается о Германии. Чего там у вас?

Просите, но как, все таки, отгадать, соизвестие, что недавне обер-мыслины подавлены, унижены, вогнаны в беспрерывное отчаяние. Что недавние рабоцадельцы славянской «прилуки» увидели ужас своих преступлений и с мерзким ощущением страха ждут часа возмездия. Что воры, альчики которых превратили украинское поселение в тысячи километров, сейчас разительно вышибают ворованием, только что не осталось никаких следов. Пусть нации освобожденные из пленов девушек и парней коммандуют ими. Ока же око.

Но мне жаль, что в этой свалке можете пострадать Вы и тысячи, бывшие тысячи, других, как Вы, Германия «Красного Рура», Германия Тельмана сможет ли она быстро выслать Вас из подполья массы, потерянной человеческий облик за время гитлеризма?

За время войны мы научились ненавидеть Германию в целом. Мы рассматривали все германскую расу, как выродков, садистов, которые приносят насилие народу, насилие на народ.

Черты зверя появились и до войны. Мы читали «Семью Опенгейма», и, кроме Фейхтвангера, было много других свидетельств начавшегося массового разложения человека в Германии.

Война только линий раз показала нам, что почти каждый солдат ваш, это — палач, и палач, который любовно выполняет свою страшную долю.

К небу волит кровь замученных на Умане. Детей, зарыво зарытых в могилу. Стариков, призначенных вашим пыткам. Девушек, огненными вспышками насилием.

Эрих, разве, как русский, я могу забыть все это?

Но в этом страшном смятении чувства и дум, в этом хаосе разбитых жесточайшей войной моральных представлений, в этой справедливой жажде возмездия, омуте неизвестности, надо найти равнодействующую, чтоб можно было свободно дышать, красиво творить, жить по-человечески.

Всю думали, что боролись за великую Германию, за спасительное место для нее на земле?

Но почему же фанаты угодили в растроили вам ворота Норвегии, Дании, Голландии и других стран?

Тридцать раз гремела тысяча орудий в честь победоносной Красной Армии, в честь Праздника Победы. Гром московских пушек сопроводил с ликующей песней народ-победителя, радостно отпраздновавшего первый день мира.

Мудрые и простые слова товарища Сталина западают глубоко в сердце.

От края и до края Красной площади про-

Письмо к немецкому другу

Вот я Вам и пишу, мой утерянный друг!

За эти годы только раз я видел Вас. Это было здесь, в Париже. Мы встретились в кафе, и мне было странно глядеть на вашу грязескую форму, слышать ваши сплюнки торопливы, оправдывающиеся речи.

То, что Вы ненавидите Гитлера и всех

— в этом я Вам верил.

Но ведь я — русский, и во мне горела сленна ненависти ко всей вашей нации в целом. Я помню, как вздрогнула ложечка в вашей рассеянной руке, и как вы очистили ее налипшими и было расхвачаны в несокрушимой. Извините, я вам сказал, что не имеет значения, что среди немцев есть отдельные личности, как Вы. Тень моей ненависти падала и на Вас. Даже на Вас.

Потому что главное было не в Германии, а в олицетворением ее фашизмом.

Мы не были виноваты, как следовало бы, когда засовили колокола, возвещающие о мире.

Потому что черная месса — по Гюенману — черная месса мракобесия все еще продолжается.

И Вам посыпал с этим письмом французского врача, знает ли он имя Кэрреля, то это будет так же странно, как если бы вы спросили у русского химика, знает ли он имя Менделеева.

Посмотрите, дайте себе этаж, что, например, пишет этот врач-натуралист:

«Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок. Что касается других, тех, которые убили, участвовали в вооруженном грабеже, крали детей, обворовывали бедных, тех, кто грубо нарушил доверие общества, — для этих нужны громоздкими и менее накладными застываниями в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок. Что касается других, тех, которые убили, участвовали в вооруженном грабеже, крали детей, обворовывали бедных, тех, кто грубо нарушил доверие общества, — для этих нужны громоздкими и менее накладными застываниями в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок. Что касается других, тех, которые убили, участвовали в вооруженном грабеже, крали детей, обворовывали бедных, тех, кто грубо нарушил доверие общества, — для этих нужны громоздкими и менее накладными застываниями в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок. Что касается других, тех, которые убили, участвовали в вооруженном грабеже, крали детей, обворовывали бедных, тех, кто грубо нарушил доверие общества, — для этих нужны громоздкими и менее накладными застываниями в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Вот я Вам и пишу, мой утерянный друг!

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

Следовало бы уничтожить тюрьмы. Они могли бы быть заменены учреждениями для общества. Обработка мало опасных преступников пыткой или другим таким либо менее громоздким и менее накладным более научным прибором, а затем коротким застыванием в госпитале, — это было бы достаточно, чтобы охранять порядок.

</

ОБЗОР ПЕЧАТИ

МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ

Не следует приписывать чрезмерное значение расхождениям между англо-саксонскими державами и Советским Союзом: таков общий вывод винситонского корреспондента «Журнала де Жене».

«Мирное общественное мнение, — пишет он, — может получить превратное представление о конференции Объединенных Наций. Действительно, пресса Херста, чьи комментарии широко воспроизводятся европейской печатью, неизменно освещает ярчайшие события в разногласии, неизбежно возникающие между великими нациями, и это совершенно искажает действительную перспективу событий».

«Первый этап конференции закончен; можно уже подвести его итог и можно думать, что труды конференции будут заключены не через две сессии с успехом, преодолевшим все ожидания, вопреки расхождениям, не пошедшим дальше определенных узких рамок. Этот успех достигнут благодаря личному присутствию Ильи Степаниши и Молотова; еще раз, личные контакты оказались наиболее плодотворными».

«В начале проявился две трещины: вопросы польский и аргентинский, но ни та, ни другая никогда не стали действительной угрозой самой конференции. Позиции, занятые государствами Восточной Европы, проливают некоторый свет на советское понимание безопасности: вперед никогда ни по одному существенному вопросу, ни одно из государств, граничащих с СССР, не пойдет против Кремля».

«Были патетические моменты, как обличительная речь Молотова против Аргентины... И тем не менее, великие державы достигли соглашения относительно тех изменений, которые должны быть внесены в первоначальный проект Дембартон-Оакса. А это и была основная задача».

Одночленский тезис между союзнических отношений «Дэйли Геральд» пишет:

КТО ВДОХНОВЛЯЛ ГИТЛЕРА

Берлинский корреспондент «Дэйли Мейл», на основании показаний взятых в плен национальных социалистов, впервые проливает яркий свет на роль женщин, мало кому известной до самого последнего времени, но сыгравшей, как оказывается, исключительную роль в действии Гитлера за годы войны.

Гитлер впервые встретил Еву Браун в 1938 году, когда ей было 27 лет. Она служила в это время секретаршей у личного друга Гитлера и его фотографа Гофмана.

Очень скоро она оказалась хозяйкой дома Гитлера в Мюнхене, а немного позже — в Оберзальцберге.

В годы войны она постоянно сопровождала его всюду. Ни одно сердечное решение не принималось без ее совета. Все на граждания проходили фактически через ее руки. Она заведывала всей личной корреспонденцией фюрера. И за последнее время в германских штабах говорили, что даже решения военного порядка принимались не без ее участия.

На общеславянском митинге

(от нашего специального корреспондента)

Переполненный пассажирами поезд с Северного вокзала Парижа направлялся в темноту, откуда не так еще давно бежали немцы перед союзными армиями. Местами — разрушенные железнодорожные постройки, развалины жилищ, глубокие ямы от снарядов. Но кругом радостные зеленые поля. Может быть, еще долгие мы будем видеть развалины домов. Но крестьяне уже запахали, зарыли, засеяли ямы от снарядов и на французских полях уже нет следов войны. Там — мирный труд.

С делегатами Союза Советских Патриотов мы направляемся в Ланс (Па-де-Кале) — один из крупнейших каменноугольных центров Франции. Там на 20 мая был назначен общеславянский митинг для празднования победы над общим врагом своего славянства. Надо побывать в этом городе, чтобы понять, почему именно здесь собрались славяне для своего праздника.

«Величайшая задача государственных деятелей в настящее время заключается в том, чтобы преодолеть недоверие и некоторую наивность, мешающие сотрудничеству союзников между собой».

«Честное обсуждение разногласий, в полном значении этого слова, может привести к результатам, недоступным тайной дипломатии».

Следует приписать членам делегации национальных социалистов, впервые проливающим яркий свет на роль женщин, мало кому известной до самого последнего времени, но сыгравшей, как оказывается, исключительную роль в действии Гитлера за годы войны.

Гитлер впервые встретил Еву Браун в 1938 году, когда ей было 27 лет. Она служила в это время секретаршей у личного друга Гитлера и его фотографа Гофмана.

Очень скоро она оказалась хозяйкой дома Гитлера в Мюнхене, а немного позже — в Оберзальцберге.

В годы войны она постоянно сопровождала его всюду. Ни одно сердечное решение не принималось без ее совета. Все на граждания проходили фактически через ее руки. Она заведывала всей личной корреспонденцией фюрера. И за последнее время в германских штабах говорили, что даже решения военного порядка принимались не без ее участия.

— Границы между славянскими народами — ахаронизм. Славяне — едини, путем их единства. Судьба каждого славянского народа связана с судьбой других славянских народов.

К часу, когда был назначен митинг, на стадион стали входить стройными рядами делегации славянских народов. Флаги Польши, Югославии, СССР развевались над идущими с музикальными песнями славянами. Стадион быстро наполнялся. Собирались тысячи празднично одетых славян — шахтеров. Многие из молодежи были в национальных костюмах.

Первые слова приветствия славянству были сказаны представителем местного муниципалитета, говорившим о необычайной энергии и сплоченности славян в борьбе с общим врагом.

Славянство должно иметь свое место в мире, оно имеет право на свою свободную государственную жизнь.

Такими словами кончил свою речь представитель местного муниципалитета.

После ораторов от различных французских организаций, тепло приветствовавших славян, начались выступления представителей славянских народов.

Нет надобности излагать здесь сказанные на разных славянских языках речи. Польски (Андрей), югославы (Анна Маттич), болгары (Натчев), украинцы (Лозовский) — все они говорили о великой борьбе славянства за свободу, о гордости и любви к СССР, к Красной Армии, к ее воинам. Нельзя было не обратить внимания на исключительную энергию выступления шахтеров — поляков. Их было несколько. Здесь, на обще-славянском митинге, слышалась голос трудающейся Польши, голос тех, кто в условиях тяжелого физического труда думал о вопросах будущего своей родины и славянства и болел ими.

И эти люди требовали:

— Все славяне должны жить единой братской семьей.

— Это — главная мысль всех говоривших.

— Единство славянства, необходимость этого единства доказаны этой войной. И эта задача должна быть осуществлена.

Вот о чем говорили на митинге. Слушая ораторов — славяне, разговаривая с шахтерами поляками, чехами, югославами, украинцами и белорусами можно было сказать только одно:

— Посыпает привет всем армиям славянских народов.

— Осуждают всякую политику, направленную на разделение славян, политику тех, кто без основания говорит о имени народов.

Славяне выражают уверенность, что союз всех славянских народов в согласии и в дружбе со всеми союзными нациями обеспечит мир и свободу Европе.

Резолюция была принята. Никто не поднял руки, голосами проголосовали.

Так шахтеры — славяне Па-де-Кале, на стадионе в Лансе, окруженном разрушенными воинскими домами, сказали свое твердое слово о славянском союзе. Так в Лансе шахтеры в своих сердцах создали славянскую федерацию.

Сколько заботы и старания было вложено в то, чтобы доставить художественную радость тысячам славян, пришедшим на митинг.

Хорошо слаженный украинский хор пропел гимн СССР, песню о Москве, партизанскую. Их мотивы уже знают славяне и вместе с хором пели они песни ставшие теперь для всех родными.

Югославы пели новый гимн.

На площадке стадиона мы видели танцы, ритмическую гимнастику, балетные выступления. Вились туда и выполняли свои номера даже маленькие украинские казаки.

Митинг затянулся почти до вечера. Стадион стал пустым.

Славяне пошли по домам, чтобы завтра спуститься вновь в шахты. Они ушли с цветными надеждами.

Вашему корреспонденту хотелось, ближе видеть жизнь славян — шахтеров. Пришло для этого остаться на другой день в Лансе, обеих на велосипеде на каждом находившемся городе при шахтах. Во всех квартирах, где пришлося побывать, можно было видеть портреты вождей нашей страны, картины, где были радио-аппараты — они стояли на Москве.

— Мы всегда слушаем Москву, мы слушали Москву и при немцах, мы все знали. А кроме того, мы учились русскому языку.

В доме белоруса я засиделась до утра. Говорили о нашей общей родине.

— Когда же, когда мы вернемся? Люди ждут этого момента, ждут с нетерпением. Возвращение на родину — это мечта.

— Мы даже бережем наши силы. Мы знаем, как много там труда, только бы скорее, скорее...

Как бесконечно глубок патриотизм этих людей, настоящий, здоровый, советский патриотизм. Настоящая любовь к стране.

— Уж много мне лет, — говорил мне пожилой шахтер — белорус — прямо боясь, что не успею поработать для родины. У меня шестеро детей. У нас тут кучка детей, прошли им учить по-русски. Плохо знают язык. Принесите нам учителя. Будем их готовить для родины. Обещаю пригласить учителя? У нас и взрослые будут учиться.

— А я вот еще о чем мечтаю. Можно сказать?

— Большой я любитель рыбной ловли. В Сене дело это багор, занятное, нужное. Вот подождите.

Мой собеседник пошел в другую комнату, возвратился оттуда с каким-то мешком. Он вытащил из мешка рыболовную сеть. Она была огромной величины.

— Сам сязал. Ночами сидел. Теперь гоняю. Как приду домой, так в первый свободный день за рыбой. Все счастли в порядке.

— И долго мы говорили о нашей стране, о ее багорах.

— Да, мы все можем сделать, все. Мы знаем для кого мы будем трудиться там. С —

В освобожденной Чехословакии

Одному из чешских друзей нашей газеты

пришлося на днях встретиться и побеседовать с тем, кто приветствовал из подвалов берлинцы

бронзовыми штабами американским офицером из армии генерала Паттона.

Части этого офицера пришли вступить в квартиру в г. Сушице, в южной части

республики.

Более славянской

И М Я

Никогда я не буду героям
Ни в гражданской войне, ни в другой,
Но зато малодушные не скрою
Перед Богом и перед собой.

О, бездомная горькая честность,
Одниаковая смелость моя!
Соблазнительная неуместность
Нарциссического бытия...

Я люблю на меня непохожих:
Пехотинца, месильного грязь,
И лубочного ведущего тоже,
Под ширинцем держащего связь.

Но геройству не счесть категорий:
Сколько крови, и гноя, и слез,
Горя женщины и детского горя,
Седины... этот пепел волос!

Честный воин других защищает,
Честный воин врагами убит.
Только жертвенность путем очищает
И душа о душе говорит.

Оттого-то широкораменный
Нам не люб низкодобный агент,
Линий груз для души современной,
Для труда наступающих лет.

Пусть я буду дустой чужестранец,
Но могу я твою восхвалить,
Слабый: туберкулезный румянец,
Сильный: воли вощеная нить.

Воспаленный чахоточным жаром,
Узкоплечий воздушный герой!
Пред тобой склонились недаром
Поколеня, и бредят тобой.

«В небеси совершенная славы»
(Это — официальный Приказ)
Ты в легенде вступаешь по праву,
Кинув имя. Осталось для нас.

Вдоль сухого латинского сада
Есть улицы, есть.
В этом гордость столичного града
И о духе бессмертная весть.

Я хотел бы на улице этой
Проживать и мечтать о тебе,
В зимней стуже и в пламени лета
Вспоминать о воздушной судьбе,

Высокая мечтой лапидарной
В камне сердца — из высоких сфер
Три луча для земли благодарной:
Гинемер. Гинемер. Гинемер.

Александр Гингер.

1940.

Центральное Правление Союза Советских Патриотов с прискорбием сообщает о кончине своего здравого товарища

Бориса Иларионовича Журавлева.

Похороны состоялись 23-го мая. В воскресенье, 27-го мая, в 9-й день кончины, в Патриархальной Церкви на рю Шатель, после литургии, будет отслужена панихида.

В 40-й день кончины летчика и артиста капитана

К. Альбрехта (Фоска),

в воскресенье, 3 июня, в храме на рю Дарю, после обедни, будет отслужена панихида.

Памяти М. Н. Ермоловой

В списке народных актрис республики — первым значится имя Марии Николаевны Ермоловой.

Двадцатого марта 1928 года, в 7 часов 20 минут утра ее не стало.

С необычайной торжественностью хоронила Москва сплошьюю романтическую георгию прошлого.

Ночью погребального шествия при свете факелов через всю Москву. Белый гроб, освещенный прожекторами, кажущийся прозрачным, точно из аластра. Белый катафалк, увенчанный лаврами, как триумфальная колесница, гордых венков и бледных молчаливых сирен, сопредотечная, идущая за гробом Москва.

М. Н. Ермолову похоронили под Москвой во Владыкине, где в убогом домике доживал ее старик отец и куда она любила уезжать летом. Здесь она просила похоронить ее. Здесь ее могила.

Светлой памяти Марии Николаевны Ермоловой, ее великому сердцу, ее ангельскому отношению к «единому от малых сих», посвящаю я этот очерк.

Имя Ермоловой я услышала впервые в самом раннем детстве. В нашей семье ее богоугорили все, начиная с бабушки, я рано привыкла благоговеть перед этим именем. То огромное, острое чувство счастья, которое дала мне впоследствии дружба с М. Н. Ермоловой, несмотря на разницу наших лет, получило свой первый толчек в тихих зимних вечерах в полумраке детской, когда я сладко засыпал под восторженный шепот вернувшихся из театра взрослых. Первые грезы сна мешались с рассказами о ней, с прекрасными образами, еще не вполне ясными, но обаятельными, сердце переполнялось счастьем. Увидеть этот сон наяву, сделалось моей мечтой. Я ощущала бессознательно, что была Ермолова для любой старине меня одним из двух поколений, полюбила ее их любовью и росла с этой сладостной отравой в душе.

Был объявлен торжественный юбилейный спектакль «Измена» Сумбатова. М. Н. Ермолова возвращалась в Малый Театр после годичного отсутствия и должна была выступить в роли царицы Зейнаб. Мне было 11 лет. Я не смеяла и думать о таком счастье — увидеть Ермолову. На бабушку мое читавшую по глазам, склонялась надо мной и меня по-всему в Малый Театр. В первый раз!

Помню, мяткий полукруг амфитеатра, занавес «Бизаф» и этот ставший потом таким знакомым и мильм сердцу старенький зал.

Сердце стучит, как молодой дятел. Занавес раздвигается. На сцене Грузия, поработлен-

ПЕЛЕНА С ГЛАЗ

Казалось бы, должна уже была упасть... Казалось бы, должны были уже стать зрачими слезы... Казалось бы, бескорыстные апологеты Германии должны были уже осмыслить ее таком, какою явила эта ее сознание подчинению».

«Ее сплошность — не результат партийного энтузиазма, а дисциплины, которая у немцев в крови...».

«Дисциплинированный, милитаризованный германский пролетариат — продукт каша.

Националь-социалисты получили вполне отвечающий их задачам человеческий материал, приученный к беспрекословному подчинению народу, у которого «дисциплина» в крови».

Задолго до наших апокалиптических дней, когда Германия явила миру лик «Зверя из безды», Гете в уста своего героя Гете фон Берлихингена вложил слова горького негодования на свою страну: «Все что было в ней достойного, затянуто в грязь, она неспособна уже на высокие по-рыбы».

За два года до смерти, Гете, в беседе с Эккерманом, высказал прорицание, которое называлось «Послание к народу, называемому Германией».

И в 1931 году фюрер, слава которого только-только разгоралась на небесах Германии, писал в 186-ом номере «Антиграфа»: «Мы не желаем, мы не доходим, мы оправдываем, за что-то даже похваляем».

Но еще в 1931 году фюрер, слава которого только-только разгоралась на небесах Германии, писал в 186-ом номере «Антиграфа»: «Мы не желаем, мы не доходим, мы оправдываем, за что-то даже похваляем».

«Насильно переброшены в чужие земли, рассеянны по всему миру, как евреи, должны быть немцы, для того, чтобы всплыли наружу и скрепло в них то хорошее, что отпущен им природой».

На наших глазах сбываются уже веши слова дарогого всему культурному миру германского поэта, которого нации пытались вытравить из памяти германского народа.

В свой книге «Германия», том III, Гейне писал: «Империя будет быстрыми шагами идти к гибели. Катализм вызван будет политической и социальной революцией. Многие из идеалистической всенародности заветам учителей — Милья, Ренана, Виктора Кюзена, находивших в Германии то, что хотели они находить, и этим бросая вызов Франции, медленной осущест-вляющей высокие задания, намеченные лучими ее людьми».

«И тогда разразится катастрофа, от которой содрогнется мир, и произойдет в Германии трагедия, в сравнении с которой идилия будет казаться Французской революцией».

На своей ли, на чужой ли земле — немцы и немки, несомненно, опять будут читать своих поэтов. Но с какими чувствами, с какими думами приведенные строки Гете и Гейне, — кто может предугадать?

Арсений Мерич.

Золотой век Грузии

Высшей, обильнейшей поры цветения этот век, столь крепко и разносторонне заложеный Давидом III, достиг в царствование его правнуки — царицы Тамар (1184-1212).

Объединенной и сильной стране и в царствование Тамар, как почты во все противники многовековой истории, пришла нещадно отбиваться от воинственных соседей. Одна за другую грузинским войском были одержаны две решительные победы: над персами — под Гинджой и над турками — под Карсом. И тут наступила крупнейшая и славнейшая за всю историю страны эпоха.

Достославный султан Алемир, Нурэддин, как повествует нам грузинский летописец, наслаждавшийся о громких победах иверского войска, снарядил против Грузии огромную, по тогдашним временам, рать, численностью тысячу до 800. Но прежде чем двинуть в поход орды захватчиков, Нурэддин отправил в Тбилиси одного из своих «гуджелетров» с предложением почтой сдачи.

Условия капитуляции были таковы: Тамар должна стать женой алемского султана, а грузинский народ — принять мусульманский закон. На эти условия посланец султана, принятый тбилисским двором в торжественной аудиенции, получил решительный и не вишащий сомнения ответ.

Генерал Захарий Мхардзе (Долгорукий) по словам того же летописца, закатил вражескому послу столь серьезную оплеуху, что непрощенного проводника Ислама пришлось унести замерзть. Война началась.

Грузинская армия пошла настрему сирийской, первой ее атаковала и, разрыв на голову и изгнав далеко за пределы Кавказа, вернулась в Тбилиси с огромной добычей.

Последняя война Тамар была с Византий. Император Алексей Ангел, верный выразитель торгашеских инстинктов своих соотечественников, организовал систематический грабеж царинских казаческих, прорвавших обильные вклады в западно-европейские монастыри и державами через Капитанополис. Эта война привнесла Грузии Трапезунду и прилегающие к нему южные побережья Черного моря. На этой территории Тамар было основано федеративное царство, на престол которого были избраны ее атаковала и, разрыв на голову и изгнав далеко за пределы Кавказа, вернувшись в Тбилиси с огромной добычей.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии Полярика и царский принц, наследник Исламского султана, отвергнулся.

Тамар, как и ее прадед, отметила свое царствование многочисленными постройками и церквями. Из последних, самым примечательным является «Дворец Роз», величайшее здание в мире, в котором император Византии

Синема «Мажестик Брюн»: 224, rue de Vanves (m-ro «Porte de Vanves»). В воскресенье, 27 мая, в 10 ч. 30 м. Только один раз!

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕЧЬ Маршала Сталина

произнесенная в Верх. Совете в 27-ую год. Октябрьской революции, полностью зарегистрированная.

В начале программы — хроника и «Узбекистан».

Зал Жан-Гужон, 8, rue Жан-Гужон. Метро «Рон-План».

Женский Комитет Союза Советских Патриотов устраивает в воскресенье, 3 июня, в 4 часа дня

Чай с первоклассной артистической программой

в пользу летней колонии для детей и молодежи.

Приглашения можно получать ежедневно в помещении Союза:

4, rue de Galliera и 40, rue St. Didier.

«Непобедимые»

То, о чем рассказывает Борис Горбатов в своей новой книге, «Сожаление», еще не дошедшее до нас в подлиннике (она вышла по-французски), пережито в последние годы сотнями тысяч, миллионами людей. Страшный, всесокрушающий, всеизглаживающий смерч — война...

О том, что перенесено, выстрадано, а незалечимы или незалеченные душевных ранах, о пролитых и до последней капли не выплаканных слезах — пишут умеющие писать и не умеющие писать. И к книгам, написанным неопытной рукой, в таких книгах о такой еще свежей, неизжитой боли — нельзя подходить с обычными критическими мерилами... Свидетелей и участников великой мировой трагедии — миллионы, свидетелей-избраников, таких, которые предопределены быть свидетельствоватом, так, чтобы глаза их жег сердца людей, — таких очень мало.

И к этому отмеченному, избранному меньшинству принадлежит Борис Горбатов. Сколько прочитано об этих событиях статей, сколько рассказано было в годы войны спикерами иностранных радио... А в чтении этой так просто, так благородно просто написанной повести Б. Горбатова сознание, как будто впервые, охватывает значительность эпохи, ученического чужими людьми на чужой им земле...

Острая Могила — промышленный городок в сердце хлебородной, богатой Украины. Жители его — простые, бесхитростные рядовые люди, любящие прежде всего свою Родину, свою землю и свою, построенную ими, фабрику. Они уничтожают то, что создано их руками, потому что создавали для своей Родины, для сынов их Роды...

Выставка в ССР

20 мая в помещении С.С.П. открылась выставка, посвященная произведениям русских художников в Париже. Союз организовал эту выставку, первую в большой намеченнейшей программе культурной деятельности, чтобы объединить эмигрантских художников, скунспиторов и других деятелей искусства. Идея, которая служит объединяющим началом — мысль о родине и служение своему народу.

Надо сказать, что задача вполне удалась. На выставке открылись почти все талантливые и интересные представители русского Монпарнаса. Выставка получилась значительной и интересной. О ее полноте можно судить по именам участников. В ней принял участие следующие художники и скунспиторы:

Аксарина, Альянаки, Андреенко, Анненков, Ахазян, Бабаджан, Базилевский, Бирчанский, Барсуков, Беловуши, Бензен, Борщев, Будаковская — Кильбич, Безмертный, Вейнглюк, Виноградов, Гочарова, Гримм, Джорджадзе, Елиасберг, Еремич, Игнатов, Идельсон, Исаев, Иванов, Александр, Карловский, Коликов, Кузьмин, Курциан, Ларионов, Либфар, Маланович, Мансуров, Масленникова, Минервин, Морозов, Муратов, Нешупов, Нестор, Омельянская, Орлов, Пименов, Попин, Покровская, Никельинский, Попиков Н. Попиков С., Пуни, Рахлесов, Рубан, Руденский, Семиновский, Сикаинский, Синегубов, Соколов, Стариков, Толстый, Зинайда, Тамара, Трубецкая, Терешкович, Улан, Федор, Хегтром, Шапиро, Шмараев, Якубов.

На некоторое время помещение Союза на рю де Гальяра стало прибежищем монпарнасских муз. Картины размещены в двух залах, достаточно светлых для обозрения. В первый же день на выставке побывало довольно большое число посетителей. Может быть, еще никого не было в Париже русской выставки, которая объединила бы артистов таких различных школ и тенденций в искусстве. Но повторяется это только первый опыт. В дальнейшем намечены целый ряд других выставок, и надо надеяться, что они будут представлены еще полнее, чем первая.

Вечер И. А. Бунина

Во вторник, 19 июня, в зале Шопен-Плейе, состоится вечер И. А. Бунина. Мастерский писатель прочтет отрывки из своих новых произведений...

Литературная хроника

— В издательстве Пайо в ближайшем будущем выходит книга проф. Д. Одина «Строители древней Руси» и книга Г. Вельтера — «История России».

— В том же издательстве принятые во французском переводе следующие книги: проф. К. Мотульский — «Достоевский» и «В. Соловьев», Ант. Ладинский — «Анна Ярославна, королева Франции».

— В издательстве «Корея» выходит роман Юрия Германа «Наши знакомые», в переводе Р. Гофмана.

КОНЦЕРТ РУССКОГО ВОКАЛЬНОГО КВАРТЕТА

В пятницу, 1 июня, в зале Гаво состоялся концерт русского вокального квартета в составе Гре. Денисова, Г. Пашутина, Б. Браминова и К. Кайданова.

В программе произведения Глинки, Кедрова, А. Ладинского, Лядова, Соколова, Черепанова и др.

«Билеты от 30 до 150 фр. продаются в помещении С.С.П. 4, rue de Гальяра.

Второй задачей, возложенной на Женский

Зал Русской Консерватории 26, av. de Tokio В воскресенье, 3 июня, в 3 ч. 30 м. дня — концерт

Елены Ивановой (сопрано)

Участвуют: К. Барсов (бас), Б. Горбачев (тенор), Н. Кратиров (пианист).

Приглашения ежедневно в Консерватории, от 3 час. дня до 7 час. вечера.

Г А В О Пятница, 1 июня, 20 час. 15 мин.

КОНЦЕРТ

Русского Вокального Квартета

(С. С. П. вок. квартет)

Денисов Пашутина

Браминов Кайданов

РУССКИЕ ПЕСНИ

и РУССКИЕ КОМПОЗ.

Бил. у Гаво, Дюрана, 4, плас де ла

Мадлен, и 4, rue de Гальиера.

Печальную красоту этого тревожного, ночного привала. Но таким странникам будущие легионеры будут воскрешать «земли родной минувшую судьбу» — и, быть может, найдут они в них материала более ценный, чем в самых точных и в самых патетических воспроизведениях еще такой живой, такой свежей в нашей памяти действительности.

Автор «Непобедимых» литературным обозревателем знаком.

Первым его книга «Личка» — Борису Горбатову не было еще 18-ти лет, когда она вышла, последовавшая за нею вторая «Мое поколение» и, наконец, сборник рассказов об Арктике (он вместе с Молоковым летал на Северном полюсе) — дали ему известность и сочувственное внимание читателей.

В 1938 г., когда началась война с Финляндией, Б. Горбатов поступил на военную службу.

С первых дней германского наступления находился на фронте, всегда на передовых позициях. И уцелел — потому что предупредлено ему «свидетельствовать» о том, что забывать не должно...

А. Д — сказка.

Шахматы

ЗАДАЧА НОМ. 8. РОЖЕ КОЛА В ПАРИЖЕ (Roger Colas).

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).

Решение задачи ном. 7. Д. Пиперкова.

1... ф2 — ф2 (угроза 2. Фх5), С: ф2; 2. С: е7;

1... К: ф2; 2. К: ф2; 1... Л1; 2. Ф: ф2; ... 4: 2. Ф: ф2.

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).

Решение задачи ном. 7. Д. Пиперкова.

1... ф2 — ф2 (угроза 2. Фх5), С: ф2; 2. С: е7;

1... К: ф2; 2. К: ф2; 1... Л1; 2. Ф: ф2; ... 4: 2. Ф: ф2.

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).

Решение задачи ном. 7. Д. Пиперкова.

1... ф2 — ф2 (угроза 2. Фх5), С: ф2; 2. С: е7;

1... К: ф2; 2. К: ф2; 1... Л1; 2. Ф: ф2; ... 4: 2. Ф: ф2.

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).

Решение задачи ном. 7. Д. Пиперкова.

1... ф2 — ф2 (угроза 2. Фх5), С: ф2; 2. С: е7;

1... К: ф2; 2. К: ф2; 1... Л1; 2. Ф: ф2; ... 4: 2. Ф: ф2.

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).

Решение задачи ном. 7. Д. Пиперкова.

1... ф2 — ф2 (угроза 2. Фх5), С: ф2; 2. С: е7;

1... К: ф2; 2. К: ф2; 1... Л1; 2. Ф: ф2; ... 4: 2. Ф: ф2.

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).

Решение задачи ном. 7. Д. Пиперкова.

1... ф2 — ф2 (угроза 2. Фх5), С: ф2; 2. С: е7;

1... К: ф2; 2. К: ф2; 1... Л1; 2. Ф: ф2; ... 4: 2. Ф: ф2.

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).

Решение задачи ном. 7. Д. Пиперкова.

1... ф2 — ф2 (угроза 2. Фх5), С: ф2; 2. С: е7;

1... К: ф2; 2. К: ф2; 1... Л1; 2. Ф: ф2; ... 4: 2. Ф: ф2.

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).

Решение задачи ном. 7. Д. Пиперкова.

1... ф2 — ф2 (угроза 2. Фх5), С: ф2; 2. С: е7;

1... К: ф2; 2. К: ф2; 1... Л1; 2. Ф: ф2; ... 4: 2. Ф: ф2.

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).

Решение задачи ном. 7. Д. Пиперкова.

1... ф2 — ф2 (угроза 2. Фх5), С: ф2; 2. С: е7;

1... К: ф2; 2. К: ф2; 1... Л1; 2. Ф: ф2; ... 4: 2. Ф: ф2.

Печатается впервые

Белые: Кр7, Фх2, Лз3, Кс4, ф3, Пг5(6).

Черные: Кр1, Л1, Д1, С2, Пз3, д3, е2(7).